

ЭКРАН И СЦЕНА

30 мая

с 1, 8-9

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

ДВА ЛИКА ПОЭТА

Из двух изображений, что перед вами, одно старше другого на 22 года. Но не то, где поэт, нобелевский лауреат Иосиф Бродский изображен как бы в виде Данте, а как раз иное, где модели, запечатленной художником, нет еще и тридцати лет.

Один портрет сделан, когда поэт достиг всех мыслимых вершин мирового признания, другой — через несколько лет после того, как он завершил первый этап своей творческой биографии. Этап в буквальном смысле этого слова: по пересылкам и тюрьмам — за то, что посмел считать себя поэтом.

Сегодня на 8—9-й страницах публикуется интервью с Иосифом Бродским, где он приоткрывает завесу над тем, как формируется личность художника.

Впрочем, интервью перед вами, и его собственное пространство лучше любого аргумента говорит о том, что значит общий европейский дом для конкретного художника и культуры в целом.

Но вернемся к тому портрету, который старше сегодняшнего Иосифа Бродского на 22 года. Он сделан в благословенном Коктебеле, еще не до конца тогда затоптанном. Черно-белая газетная репродукция не передаст тех переливов света и воздуха, что исходят из портрета, как, наверное, и двойной перевод интервью сгладит его какие-то нюансы.

Самому Бродскому портрет нравился.

В 1969 году ленинградские друзья поэта силком заставили поехать его в Будинок творчества письменников, выбив, как водится, с трудом льготную путевку в некурортное октябрьское время, когда весь цвет отечественной литературы уже вкусил прелестей бархатного солда и неба.

Бродский взвыл от всей атмосферы этого дома и немедленно бы уехал, если бы не заглянул в другой дом, на тогдашней Калинина, 11, дом Александра Георгиевича Габричевского и Натальи Алексеевны Северцовой. Александра Георгиевича, одного из последних мастодонтов отечественной культуры, уже не было в живых. У Натальи Алексеевны это, как оказалось, была последняя осень. Но истинно коктебельская — она работала в тот год с упоением, большую часть дня проводя со своими любимыми картонками и красками.

Мы с моим другом Михаилом Ардовым жили у нее весь октябрь, занимая две маленькие смежные комнатки, и тоже работали до середины дня, а где-то после обеда, к вечеру начиналось пиршество общения. Хозяйка дома была душой Коктебеля с двадцатых еще годов, а кто только не побывал за десятилетия в этих сказочных краях Киммерии. Существуют какие-то поразительные концентрические круги пересечения судеб, и в каком-то сегменте ты сам вдруг оказываешься причастным к этим судьбам.

(Окончание на 8—9-й стр.)

СЕГОДНЯ
В НОМЕРЕ:

НЕ ТОЛЬКО НА ДЕСЕРТ.
Спор вокруг «Сестричек либерти» Владимира Грамматикова.

4 страница.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ И ИВАН ИВАНОВИЧ В ОТСУТСТВИИ ФАМИЛИЙ.
Моноспектакль «Мой друг бесценный».

5 страница.

МОЖНО ЛИ ДЕЛАТЬ КИНО БЕЗ ПЛЕНКИ!

10 страница.

КАНН-91: ВИВ ЛЕ СИНЕМА! Критик Андрей Плахов анализирует фильмы международного кинофестиваля.

14—15 страницы.

В НОМЕРЕ!

Союз
кинематографистов:
как жить можно?

28 и 29 мая в Москве состоялся третий пленум совета Федерации Союза кинематографистов СССР. Его девиз весьма выразителен — «Новая реальность, как в ней жить». Предполагалось оставить в стороне наше извечное «Кто виноват!» и отвечать на второй классический вопрос: «Что делать!». В повестку дня вынесено следующее: пункт первый — ситуация в отечественном кино; пункт второй — Устав Союза кинематографистов СССР.

Вполне естественно, что дебаты по этим вопросам разгорелись бурные. О ходе обсуждения и его результатах читайте в следующем номере «ЭС».

(Соб. инф.)